

УДК 321.1

Феномен рациональности в современной культуре: антропологическое и когнитивное измерения

О. В. Новикова, кандидат философских наук, доцент*

В. С. Сайганова, кандидат философских наук, старший преподаватель**

В статье рассматриваются предпосылки и особенности возникновения феномена научно-технической рациональности, а также исследуются перспективы его влияния на общество XXI в. Исследуются особенности инструментальной и технической рациональности в контексте становления феномена «экономического» человека. Эксплицируются когнитивные аспекты научно-технической рациональности, раскрывается социокультурное измерение научной рациональности.

Ключевые слова: рациональность, инструментальная рациональность, техническая рациональность, индустриальная цивилизация, технократизм, «экономический человек», научная рациональность, коммуникативная рациональность.

The Phenomenon of Rationality in Modern Culture: Anthropological and Cognitive Dimensions

O. V. Novikova, PhD in Philosophy, Associate Professor

V. S. Sayganova, PhD in Philosophy, Senior Lecturer

The authors reveal the prerequisites and peculiarities in the genesis of the phenomenon of the scientific and technical rationality but also examine the prospects of its influence on the society of the XXIth century. The features of the instrumental and technical rationality are taken under consideration related to the foundation of the «economical man» phenomenon. The cognitive aspects of the scientific and technical rationality are explicated. The socio-cultural dimension of the scientific rationality is revealed.

Key words: rationality, instrumental rationality, technical rationality, industrial civilization, technocratism, «economical man», scientific rationality, communicative rationality.

Проблема социокультурного статуса рациональности является одной из наиболее актуальных в философских дискуссиях последних десятилетий. Устойчивый интерес к теме рациональности связан с тем, что она затрагивает широкий круг вопросов, являясь одной из ключевых проблем как эпистемологии, так и социальной философии и философской антропологии.

Однако нередко вопросы рациональности поднимаются в связи не только с обсуждением перспектив развития науки и внедрения новых технологий, но и с экологическими, антропологическими и социально-культурными рисками в динамике информационного общества. При этом артикулируется зависимость кризисных явлений от мировоззренческих установок человека. Это связано с тем, что свойственная индустриальной

цивилизации эскалация научно-технического прогресса, призванного облегчить жизнь человека, обернулись угрозой экологического кризиса, а основанные на вере в могущество человеческого разума масштабные социальные трансформации инициировали затяжной антропологический кризис второй половины XX — начала XXI в.

Рефлексия над этой ситуацией нашла отражение как в современной философии, так и в литературе и киноискусстве — от уже ставших классикой произведений А. Платонова и Д. Оруэлла до резонансного «Черного зеркала» Ч. Брукера. При этом перспективы развития человечества, как правило, изображаются пессимистически; все чаще появляются сценарии становления «постчеловеческого» мира, в котором индивид выступает уже не просто как адресат технологических новшеств, но как их элемент. По образному выражению М. Маклюэна, «человек не замечает психогенных и социальных последствий новых технологий в той же мере, в какой рыба не замечает воды, в которой плавает» [1].

* Доцент кафедры философии и методологии науки ФФСН БГУ.

** Старший преподаватель кафедры философии и методологии науки ФФСН БГУ.

Каковы же глубинные причины сегодняшнего антропогенного кризиса? Очевидно, искать их следует в деятельности самого человека, точнее, в том типе рациональности, который оказался доминирующим в последние столетия, и в специфике «экономического человека» — того человеческого «идеального типа», который ему соответствовал.

Оговоримся, что под рациональностью мы будем понимать «формообразующий принцип жизненного мира и деятельности человека, определяющий отношение человека к природе и себе подобным» [2; с. 3]. Как полагает П. П. Гайденко, истоки формирования того типа рациональности, который оказался основополагающим для развития индустриальной цивилизации, следует искать в XVII—XVIII вв. — эпохе Нового времени и Просвещения. Именно в этот период происходит становление так называемой инструментальной рациональности и закладывается современный «идеальный тип» (в терминологии М. Вебера) человека — «экономический человек».

Для иллюстрации понятия инструментальной рациональности мы можем воспользоваться формулировкой, данной российским философом Г. Л. Тульчинским, определившим рациональность как «эффективность и конструктивность целенаправленной деятельности» [3; с. 136]. В ее основе лежит целерациональное (по М. Веберу) социальное действие — действие, ориентированное на успешное достижение цели вне зависимости от ценностных установок, и более того, формирующее корреляцию ценностных установок с реализацией поставленной цели. Этот тип социального действия, во многом сформированный протестантской этикой зарождающегося капитализма, стал характерным признаком «экономического человека».

Зарождение «экономического человека» происходит еще в эпоху Ренессанса, что было обусловлено изменениями в социально-культурной и экономической сфере жизни общества. В это время жестко регламентированная социальная система средневековья уступила место капиталистической системе; будущее стало зависеть не от гарантий социального статуса, а от собственных усилий индивида, и акценты в этих усилиях сместились в сторону накопления капитала. Именно идея накопления капитала стала фундаментом для формирования «экономического человека» — не случайно М. Вебер считал, что в основе поступков человека индустриальной цивилизации лежит инструментальная рациональность. Если изначально к труду и накоплению капитала человека побуждали ценностно-рациональные мотивы — «не

для утех плоти и грешных радостей, но для Бога вам следует трудиться и богатеть», то с течением столетий они трансформировались в целерациональную мотивацию, ориентированную на «богатство ради богатства» [4, с. 191].

Однако эпоха Просвещения с ее концепциями «разумного эгоизма», меркантилизма и классического либерализма, защищавшими приоритет индивидуальных интересов перед общественными, все же делала акцент на нравственной природе человека и выводила мораль в качестве фактора, регулирующего рост амбиций индивида. В XIX, а тем более в XX столетии ситуация изменилась: бурный рост индустриального производства сопровождался культивированием иллюзии, будто именно в нем и заключен социальный прогресс, традиционные ценности девальвировались, а мораль под напором экономики становилась все более утилитарной.

Как следствие, инструментальная рациональность становится объектом жесткой критики в «Диалектике Просвещения» М. Хоркхаймера и Т. Адорно. Абсолютизация разума в эпоху Просвещения вкупе с десакрализацией природы привели, по мнению франкфуртцев, к тотальному отчуждению: сначала человека от природы, затем — человека от человека. Такова неизбежная цена власти — отчуждение от того, над чем властвуешь, превращение равного мне Другого в объект подчинения, в вещь. В этом смысле в проекте Просвещения, на взгляд неомарксистов, прослеживаются истоки идеологии фашизма: от идеи превосходства человека как биологического вида над другими представителями животного мира до идеи расового превосходства — один шаг. И в итоге в XX в. диалектика инструментального разума сводит все многообразие целей к одной-единственной — тотальной власти: «само господство, которое, даже будучи абсолютным, по своему смыслу всегда есть только средство, в безудержной проекции становится ... целью вообще» [5; с. 235].

В обществе, основанном на инструментальной рациональности, это стремление к безграничной власти приводит к тому, что меняется сама основа господства. А именно, субъект утрачивает свою человеческую природу, традиционная личная зависимость человека от человека (наемного работника от собственника и пр.) замещается зависимостью от некоего «объективного порядка вещей» (экономических законов, рынка и т. п.). Этот надчеловеческий «порядок» по сути выполняет роль Бога в эпоху атеизма; как встарь «пути господни» были неисповедимы, так, по словам В. Н. Поруса, в современном мире «тот, чьи цели неизвестны

или несоизмеримы с человеческим пониманием, не подлежат и ответственности за действия, им совершаемые» [6]. Проблема в том, что к этим целям можно отнести и различные мессианские проекты XX в. — от построения «светлого будущего» в идеальном обществе до разработки ядерного оружия и создания сверхдержав.

С другой стороны, нивелирование целей сопровождается размытием ответственности: в рамках технической рациональности субъект отвечает только за достижение поставленной цели, но не за ее смысл. Тем самым человек уподобляется механизму, вся суть существования которого — в выполнении определенных функций. И если функция субъекта — нажимать на кнопки, то формально для него нет разницы, будет ли это кнопка лифта или кнопка баллистической ракеты с ядерными боеголовками; его действие будет выстраиваться по алгоритму «вижу цель — цель достигнута».

Здесь явственно предстает другой аспект современного типа рациональности — технический. В рамках философии индустриализма XX в. развивается традиция технократизма как особой модели общества, согласно которой все социально значимые решения должны приниматься научно-техническими специалистами — экспертами, для которых характерна техническая рациональность. В частности, французский философ и социолог Ж. Эллюль, говоря о технической рациональности, отмечает, что технику надо понимать не только как машинное обеспечение деятельности человека, но и как стиль мышления, ориентированный на инструментализм в оперировании с предметами и людьми. По его словам, в технократизме «решающим фактором является заполнение нашей мысли, как и нашей чувственности, механическими процессами» [7; с. 147], а техника сама становится средой обитания человека. Для технократа, по мнению автора, технические средства становятся самоцелью, а люди рассматриваются в качестве придатка к машине. Кризис нашего времени — в утрате персональной идентичности, в подчинении человека внешним факторам, будь то воздействие экономической системы или наступление компьютерных технологий. И по-видимому, не случайно в докладе Президента международной федерации философских обществ Э. Агацци на XVIII философском конгрессе в Брайтоне прозвучали слова: «Было время, когда одна из наиболее серьезных задач философии усматривалась в доказательстве существования Бога. Кажется, трудно усомниться в том, что в наше время самой важной задачей философии является доказательство существования человека» [8, с. 155].

Есть ли выходы из сегодняшнего антропогенного кризиса? Вопрос остается открытым.

В силу определенной сложности и противоречивости статуса рациональности в современной культуре в ее антропологическом измерении неизбежно возникает необходимость эксплицировать рациональность с точки зрения ее когнитивного аспекта, который в развитии современного общества (через становление от индустриального к информационному) нашел свое воплощение в феномене научной рациональности. Являясь одним из приоритетных и смыслообразующих ориентиров современной цивилизации, научная рациональность продолжает удерживать статус безусловного авторитета в философии второй половины XX — начала XXI в.

Само понятие научной рациональности весьма многогранно и полисеманлично. Современное его понимание имеет свою специфику, и определяется это тем, что со времен развития идей позитивизма, через становление программ неопозитивизма и постпозитивизма, научная рациональность интерпретируется как «совокупность норм и методов научного исследования, которая фиксируется в определенном типе методологической рефлексии или стиле научного мышления» [9, с. 84]. В связи с таким определением научная рациональность находит свое выражение в различных моделях и типах: индуктивистская (Р. Карнап), дедуктивная (К. Гемпель), сетчатая (Л. Лаудан), тематическая (Дж. Холтон), конвенциональная (Р. Рорти); коммуникативная (Ю. Хабермас); историко-генетическая (П. П. Гайденок, В. Н. Порус, В. С. Степин) и др. Плюрализм интерпретаций научной рациональности свидетельствует о том, что сама научная рациональность претерпевает процесс постоянного самоопределения и обновления, что обнаруживает ее значимость не только и не столько в непосредственной научной практике, сколько в том, что научная рациональность становится объектом специальной философско-методологической рефлексии.

Анализ научной рациональности современного типа репрезентирован двумя перспективными моделями ее интерпретации: социокогнитивной и коммуникативной, которые в зависимости от актуализации субъект-объектных или субъект-субъектных отношений в научном познании, представляют собой различное концептуальное видение проблемы научной рациональности и ее динамики.

Представители социокогнитивной модели, развиваемой преимущественно на стыке естественно-научной и гуманитарной парадигм знания (В. С. Степин, Дж. Холтон, В. Ньютон-Смит), исходят из субъект-объектного рассмотрения научной рацио-

нальности, а также необходимости ее выражения определенными нормами и критериями, которые призваны специфицировать научную рациональность как в статике, так и в ее динамике.

Развитая В. С. Степиным концепция оснований науки является базовой предпосылкой для понимания когнитивного измерения рациональности в современном обществе, так как позволяет детально исследовать научную рациональность в ее динамике. «Основания науки обеспечивают рост знания до тех пор, пока общие черты системной организации изучаемых объектов учтены в картине мира, а методы освоения этих объектов соответствуют сложившимся идеалам и нормам исследования» [9, с. 267], однако по мере развития науки, когда в орбиту исследования вовлекаются новые типы объектов (что ярко наблюдается в современной науке), можно столкнуться с ситуацией, которая ведет к перестройке оснований науки, что позволяет объяснить механизмы возникновения нового знания, учитывая специфику функционирования науки на определенном этапе ее исторического развития.

Известная историко-генетическая модель научной рациональности, выделяя третьим историческим типом постнеклассическую научную рациональность, исходит из презумпции, что смена одного типа научной рациональности другим представляет собой глобальную научную революцию.

Так, с конца XX столетия в рамках очередной глобальной научной революции происходит радикальная перестройка всех оснований науки, что связано с интенсивным применением научных знаний в сферах социальной жизни, с изменением самого характера научной деятельности, с выходом на передний план междисциплинарной проблематики научных исследований, вхождением идей синергетики, изменением характера изучаемых объектов. Это повлекло за собой пересмотр концепции истины, средств обоснования научного знания, а также необходимость фундаментальной экспликации связи между внутринаучными ценностями (истина, прирост знания) с внешними по отношению к науке ценностями антропологического и социального характера. Современный тип научной рациональности принято называть постнеклассическим, а иногда в рамках новейших интерпретаций и пост-постнеклассическим, для которого характерно «расширение поля рефлексии над научной деятельностью, учитывание соотношенности получаемых знаний об объекте с ценностно-целевыми структурами» [10, с. 327].

В западной философии науки социокогнитивная модель научной рациональности получила свое развитие в концепциях «тематического ана-

лиза науки» Дж. Холтона и «умеренного рационализма» В. Ньютон-Смита. Авторы обеих концепций также исходят из динамической интерпретации научной рациональности, но при этом выделяют устойчивые структуры: либо «тематы науки» (включающие в себя понятия, гипотезы, эвристические правила, способ решения фундаментальных проблем, личную оценку и индивидуальное предпочтение ученого [11, с. 47—48]); либо критерий прогресса в науке (оценка которого осуществляется через «умеренность» рационалистических установок и коррелятивную связь между методом науки и повышением степени правдоподобия научных суждений [12, с. 111—113].)

Коммуникативная модель интерпретации научной рациональности характеризуется совокупностью исследований, развивающихся преимущественно в рамках социально-гуманитарного знания и акцентирующих субъект-субъектную природу рациональности, не рассматривая при этом научную рациональность в нормативном аспекте. В рамках коммуникативной традиции, избегая «крайнего коммуникативизма», тяготеющего к релятивизму и развивающегося преимущественно в рамках прагматистских концепций Р. Рорти и Х. Патнема, исследования научной рациональности отличаются отсутствием выделения норм и критериев и дистанцированностью от эпистемологической проблематики.

Рассматривая научную рациональность в рациональности человеческого действия и общения, позиция «коммуникативизма» ставит во главу угла не когнитивные, а коммуникативные аспекты различных сфер человеческой деятельности, в том числе и науки. Так, например, осуществляя сопоставление понятий «коммуникация» и «рациональность», Ю. Хабермас предлагает ограничить поиск новой рациональности сферой коммуникации [13, с. 265—268]. Новая рациональность возникает в процессе интеракции, вне ее не существует и по сути тождественна самим правилам коммуникации, признанным и принятым на основе согласия. Коммуникативная рациональность проявляется в повседневной практике общения и базируется на имплицитной способности участников коммуникации к установлению межличностных отношений (иллокутивная сила речевых высказываний) и предпосланной основе жизненного мира (передающийся посредством культуры и организованный с помощью языка запас образцов истолкования) [13, с. 321—328]. Коммуникативная рациональность конституируется в процессе самого дискурса, и в дальнейшем она оказывается свободной от готовых правил, а тем самым свободной для творческого проникновения и новаций.

Теория коммуникативного действия и проект коммуникативной рациональности Ю. Хабермаса несут в себе как критический импульс постметафизической эпохи, так и позитивную стратегию новой интерпретации социокультурной реальности. При рассмотрении эволюции общества как единого коммуникативного целого Ю. Хабермас предполагает одновременно как существование персональной автономии, так и сообщества участников диалога, которые своевременно обнаружат некоторые нормативные и правовые рамки своей жизнедеятельности.

Социокогнитивная и коммуникативная модели сосуществуют в современной культуре, сложно переплетены, но каждая играет свою роль на своем месте. Предлагаемый коммуникативистской традицией новый тип рациональности открывает себя в современности как субъект-субъектная рациональность, что свидетельствует о расширении понимания рациональности путем включения в ее основу таких компонентов как интуиция, чувственность, субъективность и другие, и сближает когнитивные интерпретации рациональности с антропогенными ее характеристиками.

В целом, не противопоставляя, а сопоставляя антропологическое и когнитивное измерения рациональности, следует исходить из их взаимодополнительности в исследовании статуса рациональности в современном обществе. В отдельности антропологические и когнитивные трактовки рациональности нельзя считать самодостаточными, ибо только в их сближении и сопряженности возможно свести к минимуму кризисные проявления при обосновании и утверждении нового типа рациональности в современном обществе.

Список цитированных источников

1. Маклюэн, М. «Мы смотрим на мир через зеркало заднего вида»: интервью М. Маклюэна журналу Playboy [Электронный ресурс] // Сайт «Теории и практики». — Режим доступа: http://theoryandpractice.ru/posts/8183-marshall_playboy?utm_source=tnp&utm_medium=search. — Дата доступа: 23.06.2014.
2. Гайдено, П. П. Проблема рациональности на исходе XX века / П. П. Гайдено // Вопросы философии. — 1991. — № 6.
3. Тульчинский, Г. Л. О существенном / Г. Л. Тульчинский // Мысль. Ежегодник петербургских философов. — 1997. — № 1.
4. Вебер, М. Протестантская этика и дух капитализма / М. Вебер // Избранные произведения. — М., 1990. — С. 61—272.
5. Хоркхаймер, М. Диалектика Просвещения / М. Хоркхаймер, Т. Адорно. — М.; СПб., 1997.
6. Порус, В. Н. Рациональность философствования и перспективы культуры [Электронный ресурс] // Сайт Института философии РАН — Режим доступа: <http://iph.gas.ru/page52152200.html>. — Дата доступа: 22.06.2014.
7. Эллюль, Ж. Другая революция / Ж. Эллюль // Новая технократическая волна на Западе. — М., 1986.
8. Агацци, Э. Человек как предмет философии / Э. Агацци // Феномен человека: Антология. — М., 1993. — С. 142—155.
9. Степин, В. С. Научное познание в социальном контексте. Избранные труды / В. С. Степин. — Минск, 2012.
10. Степин, В. С. Философия науки. Общие проблемы / В. С. Степин. — М., 2008.
11. Холтон, Дж. Тематический анализ науки / Дж. Холтон. — М., 1981.
12. Newton-Smith, W. N. The rationality of science / W. N. Newton-Smith. — London, 1981.
13. Habermas, J. Theorie des kommunikativen Handelns / J. Habermas // Handlungsrationality und gesellschaftliche Rationalisierung. — Frankfurt am Main, 1981.

Дата поступления в редакцию: 17.05.2014 г.